

НОВОСЕЛЬЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией С. ПРЕГЕЛЬ

№ 26

АПРЕЛЬ-МАЙ 1946

ИВ. БУНИН

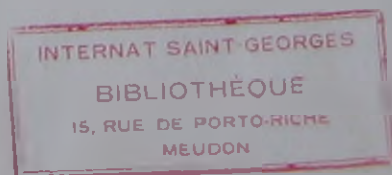
КРАТКИЕ РАССКАЗЫ

Copyright, 1946,
by the Author

К Р А С А В И Ц А

Чиновник Казенной Палаты, вдовец, пожилой, женился на молоденькой, на красавице, дочери воинского начальника. Он был молчалив и скромен, а она знала себе цену. Он был худой, высокий, чахоточного сложения, носил очки цвета иода, говорил несколько силло и, если хотел сказать что-нибудь погромче, срывался в фистулу. А она была невелика, отлично и крепко сложена, всегда хорошо одета, очень внимательна и хозяйственна по дому, взгляд чудесных голубых глаз имела зоркий. Он казался столь же неинтересен во всех отношениях, как множество губернских чиновников, но и первым браком был женат на красавице — и все только руками разводили: за что и почему шли за него такие?

И вот вторая красавица спокойно возненавидела его семилетнего мальчика от первой, сделала вид, что совершенно не замечает его. Тогда и отец, от страха перед ней, тоже притворился, будто у него нет и никогда не было сына. И мальчик, от природы живой, ласковый, стал в их присутствии

Н о в о с е л ь е

робеть, боялся слово сказать, а там и совсем затаился, сделался как-бы несуществующим в доме.

Тотчас после свадьбы его перевели спать из отцовской спальни на диванчик в гостиную, небольшую комнату возле столовой, убранную синей бархатной мебелью. Но сон у него всегда был беспокойный, он каждую ночь сбивал простыню и одеяло на пол. И вскоре красавица сказала горничной:

— Это безобразие, он весь бархат на диване изотрет. Стелите ему, Настя, на полу, на том тюфячке, который я велела вам спрятать в большой сундук покойной барыни в коридоре.

И мальчик, в своем круглом одиночестве на всем свете, зажил совершенно самостоятельно, совершенно обособленной ото всего дома жизнью, — неслышной, незаметной, одинаковой изо дня в день: смиренно сидит себе в уголку гостиной, рисует на грифельной доске домики или шопотом читает по складам все одну и ту же книжечку с картинками, купленную еще при покойной маме, строит из спичечных коробок железную дорогу, смотрит в окна... Спит он на полу между диваном и кадкой с пальмой. Он сам стелет себе постельку вечером и сам прилежно убирает, свертывает ее утром и уносит в коридор в мамин сундук. Там спрятано и все остальное добришко его.

Д У Р О Ч К А

Дьяконов сын, семинарист, приехавший в село к родителям на каникулы, проснулся однажды в темную жаркую ночь с сухими молниями от жестокого телесного возбуждения и, полежав, распалил себя еще больше воображением: днем, перед обедами, подсматривал из прибрежного лозняка над заводью речки, как приходили туда с работы девки и, сбрасывая с потных белых тел через голову рубашки, с шумом и хохотом, задирая лица, выгибая спины, кидались в горячо блестящую воду; потом, не владея собой, встал, прокрался в

темноте через сенцы в кухню, где было черно и жарко, как в топленой печи, нашарил, протягивая вперед руки, нары, на которых спала кухарка, нищая, безродная девка, слышшая дурочкой, и она, от страха, даже не крикнула. Жил он с ней с тех пор все лето и прижил мальчика, который и стал расти при матери в кухне. Дьякон, дьяконица, сам батюшка и весь его дом, вся семья лавочника и урядник с женой, все знали, от кого этот мальчик, и семинарист, приезжая на каникулы, видеть не мог его от злобного стыда за свое прошлое: жил с дурочкой!

Когда он кончил курс, — «блестяще!», как всем рассказывал дьякон, — и опять приехал к родителям на лето перед поступлением в академию, они в первый-же праздник назвали к чаю гостей, чтобы погордиться перед ними будущим академиком. Гости тоже говорили о его блестящей будущности, пили чай, ели разные варенья, и счастливый дьякон завел среди их оживленной беседы зашипевший и потом громко закричавший грамфон. Все смолкли и с улыбками удовольствия стали слушать подмывающие звуки «По улице мостовой», как вдруг в комнату влетел и неловко, не в лад заплясал, затопал кухаркин мальчик, которому мать, думая всех умирить им, сдуру шепнула: «Беги, попляши, деточка». Все растерялись от неожиданности, а дьяконов сын побагровев, кинулся на него подобно тигру и с такой силой швырнул вон из комнаты, что мальчик кубарем покатился в прихожую.

На другой день дьякон и дьяконица, по его требованию, кухарку протнали. Они были люди добрые и жалостливые, очень привыкли к ней, полюбили ее за ее безответность, послушание и всячески просили сына смиростивиться. Но он остался непреклонен, и его не посмели послушаться. К вечеру кухарка, тихо плача и держа в одной руке свой узелок, а в другой ручку мальчика, ушла со двора.

Все лето после того она ходила с ним по деревням и селам, побираясь Христа ради. Она обносила, обтрепалась, спеклась на ветру и на солнце, исхудала до костей и кожи, но

Новоселье

была неутомима. Она шла босая, с дерюжной сумой через плечо, попираясь высокой палкой, и в деревнях и селах молча кланялась перед каждой избой. Мальчик шел за ней сзади, тоже с мешком через плечико, в старых башмаках ее, разбитых и затвердевших, как те опорки, что валяются где-нибудь в овраге.

Он был урод. У него было большое, плоское темя в жесткой, кабаньей красно-рыжей шерстке, носик расплющенный, с широкими ноздрями, глазки ореховые и очень блестящие. Но когда он улыбался, он был очень мил.

Г О С Т Ь

Гость позвонил раз, другой — за дверью тихо, никакого ответа. Нажал кнопку еще, звоня долго, настойчиво, требовательно — послышались тяжело бегущие шаги — и отворила и с недоумением смотрит невысокая, плотная, как рыба, девка, вся пахнувшая чадом кухни: мутные волосы, в толстых ушных мочках сережки с бирюзой, чухонское лицо в рыжих веснушках, налитые сизой кровью и точно масляные руки. Гость быстро, сердито и весело напал на нее:

— Что-ж ты не открываешь? Спала, что-ли?

— Никак нет, с кухни ничего не слышно, очень плита шумит, — ответила она, продолжая растерянно глядеть на него: он худ, смугл, зубаст, в черной жесткой бородке, с блестящими глазами; на руке серое пальто на шелковой подкладке, серая шляпа сдвинута со лба.

— Знаем мы вашу кухню! Верно, у тебя пожарный куй свлит?

— Никак нет...

— Ну то-то-же, смотри у меня!

Говоря, он быстро взглянул из прихожей в освещенную солнцем гостиную с гранатовыми бархатными креслами и портретом широкоскулого Бетховена в простенке.

— Да ты кто такая?

— Как кто?

— Новая кухарка?

— Так точно...

— Фекла? Федосья?

— Никак нет... Саша.

— И господ, значит, нет дома?

— Барин в редакции, а барыня поехали на Васильевский Остров... в эту, как ее? воскресную школу.

— Досадно. Ну ничего, завтра еще зайду. Так скажи им: мол, приходил страшный, черный господин, Адам Адамыч. Повтори, как я сказал.

— Адам Адамыч.

— Правильно, Ева. Смотри-же помни. А пока вот что...

Он еще раз живо оглянулся, бросил пальто на вешалку возле сундука:

— Иди-ка скорей сюда на сундук.

— Зачем?

— Вот увидишь...

И в одну минуту, со шляпой на затылок, повалил ее на сундук, вскинул подол с красных шерстяных чулок и полных колен цвета свеклы.

— Барин! Я на весь дом закричу!

— А я тебя задушу. Смирно!

— Барин! Ради Господа... Я невинная.

Не беда...

И через минуту исчез. Стоя у плиты, она с упоением тихо плакала, потом стала рыдать и все громче, рыдала долго, до икоты, до самого завтрака, до хозяйского звонка. Барыня, молоденькая, в золотом пенсне, энергичная, уверенная в себе, быстрая, приехала первая. Войдя, тотчас спросила:

— Никто не заходил?

— Адам Адамыч.

— Ничего не велел передать?

— Никак нет... Завтра, сказали, еще зайдут.

— А что это ты вся заплаканная?

Новоселье

— От луку...

Ночью в кухне, блиставшей чистотой, новыми бумажными фестончиками по краям полок и красной медью расчищенных кастрюль, горела на столе лампочка, было тепло от неостывшей еще плиты, приятно пахло остатками кушаний под соусом с лавровым листом, милой обыденной жизнью. Забыв погасить лампочку, она крепко спала за своей перегородкой — как легла не раздеваясь, так и заснула — в сладкой надежде, что Адам Адамыч завтра опять придет, что она увидит его страшные глаза и что, Бог даст, господ опять не будет дома.

Но утром он не пришел. А за обедом барин сказал бабыне:

— А знаешь, Адам уехал в Москву. Мне Благодетель сказал. Верно, забегал вчера проститься.